

Паламаренко Евгений Викторович

*Общecerковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия*

Адрес: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

E-mail: palamarenko.2012@mail.ru

История Горненского монастыря, написанная иеромонахом Исаией (Бабининым) в 1950 году

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10016

Настоящая публикация включает в себя малоизвестный источник по истории Русской духовной миссии в Иерусалиме и Горненского женского монастыря в Эйн-Кареме. В 1950 г. иеромонахом Исаией (Бабининым) была подготовлена работа по истории Горненского монастыря, в которой освещаются многие вопросы, связанные с новозаветной историей местности вблизи Иерусалима, зарождением на ней христианского присутствия, его развитием, а после – созданием на ее территории монастырей, главным и самым большим из которых считается Горненский русский женский монастырь, основанный архимандритом Антонином (Капустиним) в 1871 г. В работе иеромонаха Исаии уделяется значительное внимание деятельности неразделенной Русской духовной миссии в Иерусалиме в период с 1918 по 1948 г. В связи с уникальностью этого периода и практически полным отсутствием исследований послереволюционного периода деятельности Миссии или периода пребывания Палестины под управлением Великобритании по мандату Лиги Наций труд иеромонаха Исаии является ценнейшим источником указанного периода. В нем раскрываются особенности деятельности Миссии и жизни Горненского монастыря, даются характеристики происходившим событиям, личностям игумений и насельниц монастыря. Особенную ценность представляет описание основных событий в жизни русского церковного присутствия в Иерусалиме после посещения Палестины патриархом Алексием I в 1945 г. Именно после этого визита началась подготовка к возрождению деятельности Русской духовной миссии, аффилированной со священноначалием из СССР, начальники

которой направлялись из Московской Патриархии. Будучи насельником Горненского монастыря, иеромонах Исаия знал многие подробности жизни обители, которыми делится на страницах своего труда.

Ключевые слова: Русская духовная миссия в Иерусалиме, Горненский монастырь, Московская Патриархия, Русская Православная Церковь, Иерусалимская патриархия, Иерусалим, Святая земля, Израиль, Иордания, Исаия (Бабинин).

Летом 1950 г. иеромонах Исаия (Бабинин, 1883–12.08.1963), член Русской духовной миссии в Иерусалиме, передал начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме (РДМ) епископу Владимиру (Кобцу) свой труд по истории Горненского женского монастыря в Эйн-Кареме. Спустя некоторое время данное историческое произведение иеромонаха Исаии было переслано в Московскую Патриархию.

В 2020 г. исполняется 70 лет со времени написания иеромонахом Исаией (Бабининым) истории Горненского женского монастыря. Он завершил ее в августе 1950 г., проживая в Горненском монастыре, но в то же время исполняя послушания и проживая на других подворьях Русской духовной миссии в Израиле. Его по праву можно назвать одним из первых историков Горненского женского монастыря в Иерусалиме. Будучи духовником насельниц обители на протяжении многих лет, иеромонах Исаия хорошо знал подробности жизни монастыря при британских и израильских властях, под руководством священноначалия Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) и прибывшего духовенства из Москвы. На протяжении нескольких десятилетий проживая в монастыре, он знал не только особенности жизни в Палестине, но и разбирался в делах церковного, политического и общественного устройства жизни арабского, еврейского и израильского населения. Кроме того, понимание им особенностей служения Иерусалимского патриархата помогало ему во многом при общении с его представителями и иерархией.

Иеромонаха Исаию называют тем, кто «поклонился» патриарху Алексию I во время его визита в Палестину в мае 1945 г. Таким образом, иеромонах Исаия выказал свою приверженность Московскому Патриархату, лояльность к духовенству и иерархии из Москвы. Чего нельзя сказать о других священнослужителях и монашествующих Иерусалима того времени, которые резко противопоставляли себя Русской Православной Церкви Московского Патриархата, относя себя исключительно к зарубежной ее ветви, в то время находившейся в состоянии острой конфронтации.

Иеромонах Исаия (Бабинин Иоанн Антонович) родился 22 марта 1883 г. в деревне Новинки Соловецкой волости Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии. Из его послужного списка [ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 573. Л. 94–95] становится известно, что он окончил три класса начальной школы и четыре класса начального министерского училища. В 1902 г. поступил послушником в Макарьевскую пустынь Новгородской губернии и уезда. В монастырь его принимал известный синодальный миссионер игумен Арсений (Алексеев). 3 ноября 1913 г. игуменом вышеназванного монастыря

Кириллом был пострижен в монашество. 16 февраля 1920 г. рукоположен во иеродиакона епископом Тихвинским Алексием (Симанским). В монастыре проходил послушание на резных работах, пекаря, просфорника, пономаря, в канцелярии, библиотекаря, канонарха и уставщика.

В ноябре 1925 г. поступил в Псково-Печерский монастырь в Эстонской ССР.

9 октября 1931 г. начальником, иеромонахом Афанасием (Петровым), был принят в Русскую духовную миссию в Иерусалиме. 15 мая 1939 г., в день Пятидесятницы, архиепископом Анастасием (Грибановским) был рукоположен во иеромонаха и назначен на послушание священника и духовника в Горненский женский монастырь близ Иерусалима. В мае 1945 г., по благословению патриарха Алексия I, не признавая «раскол», покинул РДМ РПЦЗ и был принят в братство Гроба Господня Иерусалимской Патриархии, где начал нести послушание привратника в храме Гроба Господня.

Спустя некоторое время, после выхода части насельниц Горненского монастыря из «анастасиевского раскола», как тогда именовали сторонников РПЦЗ в Иерусалиме, иеромонах Исаия Иерусалимским патриархом Тимофеем был назначен священником и духовником патриаршей группы сестер Горненского монастыря. Данные сестры, заявив о своем нежелании пребывать в РПЦЗ, были приняты патриархом Тимофеем под свое духовное покровительство.

Исторические материалы, содержащиеся в произведении иеромонаха Исаии, содержат в себе ценнейшие сведения для историков Горненского монастыря в Иерусалиме. Они освещают историю неразделенной РДМ в Иерусалиме и совместного существования монастырей в Эйн-Кареме, на Елеоне и зарождающейся русской обители в Гефсимании.

Иеромонах, а позже (в 1950-е гг.) игумен Исаия являет собой пример служения в РДМ при Британском мандате в Палестине и государстве Израиль. Прибыв в Палестину в 1931 г. при начальнике РДМ иеромонахе Афанасии (Петрове), иеромонах Исаия последовательно проходил послушания при более чем десяти начальниках, среди которых: архимандрит Мелетий (Розов, 1932–1933), архимандрит Антоний (Синькевич, 1934–1948), архимандрит Леонид (Лобачев, 1948–1949), епископ Владимир (Кобец, 1950–1951), архимандрит Поликарп (Приймак, 1951–1955), временно исполняющий обязанности начальника протоиерей Михаил Зернов в 1955–1956 гг., архимандрит Пимен (Хмелевский, 1956–1957), архимандрит Никодим (Ротов, 1957–1959), временно исполняющий обязанности начальника архимандрит Никодим (Руснак) в 1951 г., архимандрит Августин (Судоплатов, 1959–1961), архимандрит Варфоломей (Гондаровский, 1961–1963), а также при архимандрите Ювеналии (Пояркове) в 1963 г. Кроме того, иеромонах Исаия проходил свое служение при Иерусалимских патриархах Тимофее (1935–1955) и Венедикте (1957–1980)

Приведенная ниже «История Горненского русского женского монастыря в Айн-Карем» иеромонаха Исаии — уникальный и ценнейший, ранее не опубликованный, практически не известный историкам РДМ и Горненского монастыря труд, посвященный раскрытию истории местности вблизи Иерусалима, описанию новозаветных событий, ставших основой почитания данной местности, а позже развитию христианского присутствия и приобретения земельного участка архимандритом Антонином (Капустиным). Создание Горненского монастыря, поселение в нем насельниц, увеличение их численности, служение в нем русского духовенства и определенный

паломнический интерес к обители и местности освещается на страницах произведения иеромонаха Исаии.

Основополагающей же ценностью труда иеромонаха Исаии являются содержащиеся в нем малоизвестные факты о жизни Горненского монастыря в период нахождения Палестины под управлением Великобритании по мандату Лиги Наций. Ценность представляет описание личностей игумений и насельниц обители, характеристики личностей начальников и членов неразделенной РДМ после 1918 г., событий, связанных с приездом патриарха Алексия I в 1945 г. и последующего приезда из Москвы первого состава возрожденной РДМ в Иерусалиме, уже аффилированной с Московской Патриархией.

История РДМ в Иерусалиме в послереволюционный (1918–1948) и израильский периоды (после 1948 г.) заслуживает своего изучения, притом в этом деле необходим институциональный подход и упор на ранее недоступные и малоизвестные архивные источники. Кроме того, требуют изучения персоналии РДМ в Иерусалиме, внесшие как значительный вклад в развитие и сохранение русского церковного присутствия в Палестине в XX в., так и малоизвестные деятели «Русской Палестины», ярким примером которых является иеромонах Исаия, на протяжении более двух десятилетий являвшийся духовником Горненской обители и более трех десятилетий несший свое служение во благо и сохранение русского церковного присутствия на Ближнем Востоке.

История Горненского русского женского монастыря в Айн-Карем¹

В пяти километрах к юго-западу от Иерусалима находится селение Айн-Карем, что в переводе с арабского значит «источник виноградника». Древнее предание указывает на Айн-Карем как на место рождения Иоанна Крестителя, тот «град Иудов», в котором был дом Захарии, в который пришла после Благовещения Пресвятая Дева Мария и приветствовала Елисавету, жену Захариину, воспев свою дивную песнь: «Величит душа мою Господа...».

На чем основано утверждение, что Иоанн Креститель родился в Айн-Карем и почему русские называли его «Горнее»?

В славянском Евангелии мы читаем: «Во дни оны, воставши Мариам, иде в Горняя со тщанием и вниде в дом Захариин и целова Елисавет...» (Лк. 1, 39–40). Греческий текст выражается относительно именованной Горнего так: εἰς τὴν ὄρεινὴν — «в горную область» (χώρα), слав. — Горняя; последнее слово пропущено, но подразумевается; на него указывает прилагательное ὄρεινῆ — «гористая, горная», поставленное в женском роде, соответственно греческому χώρα («область») латинский текст передает: in montans — совершенно соответственно греческому.

Итак, Горняя не есть название какого-либо определенного города, это есть название известной области.

Но Палестина, а в особенности Иудея, вся гориста. Самый Назарет, откуда Пресвятая Дева Мария пошла после Благовещения «в Горняя», находится в гористой местности; вся Самария — средняя часть Палестины — тоже не на ровном месте. Поэтому «Горняя» должно у евангелиста означать не только гористую местность, а какую-то определенную часть Палестины.

¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 133. Л. 166–216.

Если мы обратимся к административному делению Палестины во времена Спасителя или в то время, когда евангелист Лука писал свое Евангелие, то мы без труда найдем определенный округ, носящий название на латыни *Montano*, т. е. Горняя. При Иосифе Флавии — младшем, современнике апостолов, Иудея была разделена на 11 топархий (округов); современник Иосифа Плиний насчитывает их 10, причем в числе их указывает *Orinem ingus puere Hierosolims* (*Meistermann B. La patrie de St. John Baptiste. Paris, 1904. P. 61*). Приведенное здесь слово в латинской транскрипции соответствует совершенно ὄρεινῃ греческого текста Евангелия. Таким образом, Горняя есть совершенно определенная административная область, границы которой мы приблизительно точно знаем, в пределах которой находился Иерусалим. Свое название этот округ получил, конечно, от характера рельефа местности — высокого плоскогорья, изрезанного глубокими долинами в разных направлениях.

Естественно, евангелист Лука употребляет географическую и административную терминологию своего времени, знакомую всем его слушателям и читателям и не предполагавшую основательного знания археологии местности, ибо очень сомнительно, существовала ли археология тогда. Поэтому раз нам точно известно, что известный округ назывался во время евангелиста ὄρεινῃ — Горняя, то этого нам достаточно, чтобы считать, что дело идет не о гористой местности вообще, а о вполне определенной местности. Правда, книга Иисуса Навина дает название «Горной страны» всему иудейскому плоскогорью до Хеврона включительно, но во времена евангелиста Луки Хеврон был главным городом топархии Идумеи, хотя этнографическая Идумея лежала гораздо южнее. Это обстоятельство не позволяет нам предполагать евангельскую Горнюю на юге Палестины и вынуждает видеть ее в окрестностях Иерусалима, в северной части иудейского плоскогорья.

Гораздо труднее решить вопрос, какое место точно разумеет евангелист под именем «града Иудова».

Конструкция греческого текста εἰς πόλιν Ἰουδα оставляет место неопределенным, ибо при слове «город» нет определенного члена, который бы указывал на один определенный и предполагающийся известный город. Если бы евангелист разумел какой-нибудь определенный город, то по-гречески было бы сказано: εἰς τὴν πόλιν.

Какой же это город Иудин? В Иудее во времена римского владычества городов было много. Наименование евангелистом городом Иудиным не означает, что тот город был населен по преимуществу евреями, принадлежащими колену Иудину. Правда, после вавилонского плена не было уже того строгого разграничения колен, которое было при Иисусе Навине, но если вспомним мы перепись, во время которой родился Иисус Христос, то мы можем предполагать с большой вероятностью, что все же старые границы этого колена не изгладились совершенно из памяти евреев — современников Христа. Горняя евангелиста входит в состав области, принадлежавшей колену Иудину, хотя частью захватывает границы колена Вениаминова.

Судя по описаниям границ колена Иудина, последние, пройдя перед Вифлеемом (с северной стороны), уклонились к северу: предел (Иудин) «идет вверх к долине сына Енномова, и восходит предел на вершину горы, которая к западу против долины Енномовой, которая на краю долины Рефаимов к северу. От вершины горы предел поворачивает к источнику воды Нефтоах, и идет к городам горы Ефрона, и поворачивает предел к Ваалу, который есть Кириаф-Иарим» (Иис. Нав. 15, 8–9). Переводя на современный язык, граница

шла от Вифлеема к северу, к долине, идущей перед Сионом с юга, там, где теперь село Крови; затем поднимается на вершину горы, где стоит теперь гостиница «King...», оттуда точно по современной Яффской улице, мимо Русской миссии, граница идет по Яффскому шоссе до с. Абу Гош.

При таких условиях Иерусалим, действительно, оказывается в пределах колена Вениаминова, но сейчас же за его стенами к западу начинаются пределы колена Иудина. Таким образом, часть области Горняя — Огине времен евангелиста была (к западу от стен Иерусалима) на месте древнего предела Иудина, а самый Иерусалим и область к северу и к востоку от него — на месте колена Вениаминова. В таком случае евангельский неопределенный «град Иудов» нам нужно искать только к западу и к югу от Иерусалима.

Текст 70 толковников в перечислении городов колена Иудина делает вставку против еврейской Библии, свидетельствующую, что перечисленные города считались специально Иудиными за 200 с лишком лет до Христа: «Вот удел колена сынов Иудиных, по племенам их... на горах... Еврафа, иначе Вифлеем, Фагор, Етам, Кулон, Татами, Сорес, Карем, Галлим, Вефир и Манох: одиннадцать городов с их селами» (Иис. Нав. 15, 20, 48, 59).

Здесь перечислены города одной определенной области, лежащие к юго-западу от Иерусалима, несомненно в пределах *ὄρεινῆ* Плиния — Горней евангелиста. Границы этой области — одиннадцать городов Иудиных — намечаются очень ясно: Вифлеем на юге, еще южнее — Фегор, современная Кулоние — на шоссе из Иерусалима в Яффу, в пяти километрах к западу от Иерусалима, Сорес на западе. Наше внимание особенно привлекает здесь город Карем, который, несомненно, есть нынешний Айн-Карем, ибо арабское слово «Карем» тождественно с еврейским и по звучанию, и по значению. Карем поименован в той группе городов, которые перечислены в приведенном тексте 70 как города Иудовы. Небольшое расстояние одного города от другого (например, Кулоние и Карем — около пяти километров) не должно нас смущать: самые города в то время были скорее похожи на села и разве что имели около себя сторожевые укрепления.

Таким образом, ничто не препятствует нам признать Айн-Карем городом Иудиным (принадлежащим колону Иудину), лежащим в области, т. е. Горней. Но действительно ли Карем был городом Иудиным, в котором родился Иоанн Креститель? Что нам поможет уточнить довольно неопределенное указание евангелиста?

Нам приходится прибегнуть к помощи предания.

В IV веке, т. е. 200 с небольшим лет после апостольских времен, местные предания указывали на Айн-Карем как на место Рождества Предтечи. Известно, что при исследовании достоверности того или иного места, о котором говорится в Св. Писании неопределенно, в случае разногласий разновременных известий наиболее достоверным, естественно, признается то, которое наиболее раннее. Этим исключаются показания более поздних источников.

Петр, епископ Севастии Арианской, в конце IV века говорит о месте встречи Пресвятой Девы Марии с праведной Елисаветою (следовательно, про дом Захариин, находившийся во «граде Иудовом», в области «Горней»), что оно находится в области Элии (*Meistermann, 125–126*).

Как известно, Иерусалим со времен императора Адриана почти до VIII века назывался Элия Капитолины. В IV веке Элия-Иерусалим не была таким большим городом, чтобы округ его простирался далеко. Выражение «на территории Элии» мы понимаем так, как пишет Плиний, — разумея ближайшие окрестности Иерусалима.

Паломник VI века архидиакон Феодосий указывает место рождения Иоанна Крестителя в пяти милях от Иерусалима. Это совершенно точное расстояние от Старого города Иерусалима напрямик через гору до нынешнего Айн-Карем. Согласно вышеупомянутому свидетельству Петра Севастийского, на месте встречи Богоматери с праведною Елисаветою, где раздалась впервые песнь «Величит душа мою Господа», был храм, отмечающий это святое место. О храме на месте встречи говорит и Феодосий — очевидно, это тот самый храм, о котором говорит Петр Севастийский. Оба свидетельства дополняют друг друга: Петр упоминает о храме, говоря, что это на «территории Элии», Феодосий, говоря о том же, указывает расстояние до него от Св. града, соответствующее нашим пяти километрам. И хотя Элия-Иерусалим находится на бывшей территории колена Вениаминова, а место встречи и город Карем — на территории колена Иудина, мы не должны забывать, что территорией Элии мы должны считать не разделение земли по коленам, а административное деление Иудеи на топархии, современное евангелисту. С.-Гельский манускрипт 822 года указывает то же самое расстояние от Иерусалима до места встречи.

Весьма замечательно, что коптская рецензия 29-го стиха 1-й главы Евангелия от Луки, восходящая к XIII веку и сделанная коптским писателем Асад-Ибн-эль-Ассаль (редактировавшим арабский перевод четвероевангелия), в том месте, где сказано «иде в Горняя», имеет: «Иде в Айн-Карем», равно имеются данные, что у коптов в арабских переводах, сделанных с греческих, в X веке встречается вместо Айн-Карем.

Таким образом, к X веку египетские христиане были убеждены, что Айн-Карем и есть место рождения Иоанна Предтечи (*Meistermann, 127*).

Наш паломник игумен Даниил, посетивший Святую землю в начале XII века, тоже указывает на Айн-Карем как на место Рождества Иоанна Предтечи. Его свидетельство очень интересно как по точности топографических данных, так и по упоминанию названия «Орини», что, как мы видели, соответствует греческому тексту Евангелия от Луки: «А от того монастыря (Иверского, т. е. грузинского, каким в то время являлся нынешний Крестный монастырь, к западу от Иерусалима немного более чем в километре от города) до дому Захариину суть 4 версты; есть бо место то под горою к западу лицом от Иерусалима... И есть же гора велика вельми, и неё по ней есть мног, и около ея дебри суть мновии и есть на запад от Иерусалима, имя месту тому Орини» (*Путешествия игумена Даниила, СПб, 1864, стр. 151–152*).

Все это совершенно соответствует положению Айн-Карем. Как видно, сохранилось в памяти древнее наименование того округа — Орини. Возможно, что вообще эта область со времен евангелиста Луки не переставала называться этим именем до времен Даниила. Заметим при этом, что Даниил, описывая путь из Иерусалима в Хеврон, ничего не говорит о месте, именуемом Бет-Захар, которое некоторые хотели бы считать местом Рождества Предтечи. Ясно, что при Данииле не было и речи о том, что Айн-Карем не является родиной Крестителя. Свидетельство Даниила, таким образом, продолжает цепь предания, начатую еще в IV веке, если не считать довольно неопределенного в отношении топографии указания в Евангелии.

Таким образом, предание, дополняя евангельское указание, побуждает нас видеть в Айн-Карем тот град Иудов, где находился дом Захариин. На месте других городов Иудовых, лежащих в пределах топархии ὀρεινῆ, нет никаких остатков христианской древности, которые хотя бы намеком позволяли видеть в них место рождения Иоанна Крестителя или хотя бы

древнехристианский храм, отмечающий собою особо почитаемое место священных воспоминаний.

Когда подъезжаешь к Горнему из Иерусалима и спускаешься к селению по превосходному шоссе, то прямо пред глазами разворачивается весь русский монастырь, утопающий в зелени деревьев, что представляет в окрестностях Иерусалима большую редкость. Горненский женский монастырь занимает северный склон горы, у подножия которой пролегает узкая и глубокая долина, где расположились масличные рощи и огороды. Склоны долины возделаны в виде террас, орошаемых водою от источника, находящегося в восточном, тупом конце долины, там, где кончается шоссе. Этот источник известен у христиан под именем «источника Пресвятой Девы Марии». По христианскому общепринятому преданию, Пресвятая Дева Мария во время трехмесячного пребывания у праведной Елисаветы ходила к этому источнику черпать воду для ежедневного домашнего употребления вместе с праведной Елисаветой.

Узкая тропинка ведет от источника на запад, вверх по параллельному направлению к прилегающей горе. Тропинка приводит к воротам в русский женский монастырь, который находится на левой стороне тропинки; над воротами надпись: «Русская духовная миссия». Дальше на запад находятся ворота в католический монастырь, владения которого острым клином врезались во владения русского монастыря. Еще в 1932 году на этом месте видны были развалины какого-то, по-видимому большого, весьма благоустроенного некогда здания. Местные жители утверждали, что это остатки разрушенного храма, построенного в глубокой древности на месте жилища праведных Захарии и Елисаветы и разрушенного мусульманами. Посреди двора рос большой развесистый платан, дуплистое основание которого было обнесено двумя каменными уступами. Под сводами ветвей был устроен престол. Здесь, по христианскому преданию, происходила трогательная встреча Елисаветы, матери Иоанна Крестителя, с Пречистою Девой Мариєю, Матерью Сына Божия. Здесь, на этом месте, впервые Матерью Сына Божия была воспета песнь: «Величит душа моя Господа...» — и произошел между двумя матерями тот богодухновенный разговор, который передал человечеству св. евангелист Лука в своем Евангелии (Еванг. Луки, гл. 1-я, ст. с 39 по 55). Теперь на этом месте построен католиками монастырь и прекрасный храм.

Недалеко от этих мест, где каждый камень, каждая долина связаны с какими-нибудь священными воспоминаниями, находится пустыня св. Иоанна Предтечи, та именно суровая местность, где рос, укреплялся духом и телом, закалялся в подвигах поста и молитвы, мужал духом величайший из подвижников, о котором Сам Господь сказал, что из рожденных женами не было человека больше Крестителя Иоанна (Матф. 11, 2). Пустыня эта отстоит от дома Захарии не далее двух часов ходьбы. Сначала путь к ней лежит среди плодородной местности меж оливковых садов и виноградников. На полпути находится на самой дороге так называемая «скала Иоанна Предтечи» — огромный белый камень, по преданию на месте одной из проповедей святого пророка. С этого пункта местность становится каменисто-гористой, дикой, бесплодной, пересекаемой глубокими ущельями. Высокие горные возвышения имеют в себе множество естественных углублений и пещер; в одной из них и указывают пещеру св. пророка Иоанна Предтечи, к входу которой ныне ведет лестница и двенадцать ступеней. По размеру пещера эта имеет внутри сажени три в длину, полторы сажени ширины и более сажени высоты.

На том месте, где, по преданию, было каменное ложе св. Иоанна Предтечи, ныне устроен римско-католический престол, помещающийся прямо против входной двери. Недалеко от этой пещеры, среди крутых горных тропинок, указывают источник отшельника, а выше, на одной из горных вершин, находится «гробница святой праведной Елисаветы», место, где погребена мать св. пророка Божия Иоанна Предтечи. Вся эта гористая местность с перечисленными памятниками старины может быть названа как бы семейною местностью священника Захарии и Елисаветы, где каждый шаг, каждый утес или камень, каждый источник или долина будят в православном христианине далекое воспоминание начала Нового Завета, указывают место жительства той благочестивой семьи, где ожидание всеми ожидаемого Спасителя было особенно напряженное, особенное жизненное, где с мыслью о грядущем Мессии соединялось ожидание новой жизни, наступление нового времени. Здесь именно, в этом уголке земли, зарождалось христианство. Здесь родился и возматерел тот величайший пророк, который за правду Божию положил душу свою. Эта с виду непривлекательная местность, эти холодные вершины и дикие ущелья переносят благочестивую мысль христианина к той седой старине, когда на этих диких камнях, по этим горным тропинкам медленно, вдумчиво и молитвенно-сосредоточенно ходил святой пророк Иоанн Креститель, душевно всегда устремленный к Богу, где готовился, постепенно возвышаясь и укрепляясь, которого Сам Спаситель избрал Своим Крестителем.

Выше вышеупомянутого католического монастыря, на склоне горы, и расположен русский женский Горненский монастырь.

Постройка этого монастыря необычна для привыкших видеть русские монастыри: вы не увидите больших общих корпусов, как это обычно бывает в русских монастырях; вместо корпусов вы видите множество отдельных домиков, карабкающихся среди деревьев по склону горы. Около домиков растут раскидистые смоковницы, масличные, миндальные деревья, сосны и возносятся свечой к небу темные стройные кипарисы.

Русская обитель была основана в 1871 году знаменитым начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином. Архимандрит Антонин, зная, какую громадную ценность представляет это место для благочестивого сердца русских людей, купил два участка земли от бывшего драгомана французского консульства, Ханна Карно Джелляб. Покупка тормозилась всяческими интригами со стороны тех, кто совершенно не был заинтересован в появлении православных в этом священном месте. Несмотря на все интриги, место все же было куплено, но продавший его на следующий день был неизвестно кем зарезан. С участками земли было куплено два дома. Но первая насельница обители, тогда еще не называвшейся даже общиной, монахиня Павла жила в небольшой пещерке на склоне пустынной горы. Желая заселить это место инокинями, архимандрит Антонин предлагал приезжавшим на поклонение благочестивым русским женщинам, желавшим иночества, поселиться здесь: он отводил им на горе место и разрешал строиться по своему усмотрению. Таким образом уже в скором времени на горе, предназначенной для монастыря, поселилось пять монахинь, находившихся под духовным руководством о. Антонина, часто приезжавшего сюда из Иерусалима. Была построена также и маленькая церковка, которая должна была обслуживать духовные нужды и небольшого числа местных православных арабов (преобладающим населением Айн-Карем были мусульмане). Служба происходила один раз в неделю; пели попеременно по-русски и по-арабски; пастырские обязанности выполнял арабский священник Георгий Хури.

Постепенно гора заселялась отдельными маленькими усадьбами; были посажены маслины, сажались кипарисы, которыми в настоящее время красуется Горненская обитель. Первой настоятельницей еще тогда негласной и неутвержденной, но фактически существовавшей общины была назначена рясофорная монахиня Рахиль, впоследствии постриженная в мантию с именем Агния; выстроенный ею дом и в настоящее время называется домом матушки Агнии. После Агнии настоятельницей была монахиня Ксения.

Ввиду того что население общины увеличивалось, бывшая маленькая церковь оказалась тесной; архимандрит Антонин с разрешения Иерусалимской патриархии выстроил для арабов в селении Айн-Карем другую церковь во имя Рождества Крестителя Иоанна, а церковь обители была расширена пристройкой длинной части ее с западной стороны. И теперь в храме еще можно видеть размеры бывшей церкви: очень широкая и выдававшаяся во храм солея означает как раз границы прежнего храма. В таком виде церковь существует и до сего дня.

Наконец в 1886 году Святейший всероссийский синод утвердил правила для Горненской женской общины и самую общину.

Тогда настоятельницей была монахиня Валентина, впоследствии игуменья. При ней община достигла наивысшего своего расцвета. Ее энергией были созданы (в 1903 г.) иконописная и золотошвейная мастерские. Выработывавшиеся в них иконы, облачения и другие вещи отличались высоким качеством и охотно раскупались приезжавшими паломниками, было также много заказов и из России. Это все давало возможность обители и материально процветать; так что явилась потребность выстроить новый соборный храм, ибо существовавшая маленькая церковь не могла вмещать и небольшой части приходивших на поклонение богомольцев. В 1910 г. был заложен в верхней части прекрасный и просторный соборный храм, который, увы, не суждено было окончить: война и революция застали его тогда, когда стены были выведены и осталось его покрыть...

В этот период обитель обслуживалась иеромонахами Русской духовной миссии, приезжавшими в Горнее на череду, а затем уже и постоянно жившими в обители.

Численность сестер к началу войны была 150 человек.

Во время войны сестры были вынуждены временно выехать из Палестины в Александрию. В это время скончалась настоятельница обители Валентина. Обитель временно запустела.

Перед отъездом сестер в Александрию все ценности, как-то: церковные сосуды, которых было в то время много, и прочие ценности были сложены в алтаре в тайник, облачения также были сложены в алтаре в большие сундуки. Хранительницей монастыря осталась монахиня Антонина Гришина с двумя или тремя послушницами, которые не побоялись жить при враждебно настроенных к русским турецких и германских солдатах. Монастырские здания поселившиеся в них солдаты привели в самое плачевное состояние, но церковь во все время войны была цела; война уже окончилась, и вот в это время уже не войска, а грабители ворвались в церковь и все разграбили, нашли и тайник, из которого тоже все забрали, так что обитель осталась и без церковных сосудов, и без священнических облачений. Когда по окончании войны сестры из Александрии возвратились, то не в чем было служить литургии.

Так как монахиня Антонина Гришина обитель во время войны не покинула, то по возвращении сестер она как бы явочным порядком оказалась

настоятельницей монастыря. Монахиня Антонина Гришина обладала невыносимым, строптивым характером, до такой степени, что часто в припадке раздражения начинала сестер бить. Обитель пришла в совершенное расстройство. Явилась неотложная необходимость сменить настоятельницу. Приехал в Горнее архимандрит Мелетий, исполнявший в то время обязанности начальника миссии, и иеромонах Серафим. Они собрали сестер в трапезную и предложили им выбрать новую настоятельницу.

Архимандрит Мелетий рекомендовал сестрам избрать в настоятельницы молодую рясофорную послушницу Татьяну Минину (впоследствии — игуменья Тавифа). Как показали последствия, о. Мелетий в выборе не ошибся. Сестры почти все единогласно подали голоса за Татьяну Минину, были против три-четыре сестры из старых монахинь, которые считали бесчестным для себя подчиняться молодой послушнице. Но так как подавляющее большинство сестер было за послушницу Татьяну Минину, то она и была утверждена настоятельницей монастыря. Когда послушница Татьяна Минина увидела, что избрана в настоятельницы, то с громким воплем бросилась в ноги сестер, прося освободить ее от этого тяжелого послушания и что она совершенно к нему не подготовлена и неспособна. С одной стороны, просьба освободить от настоятельства, с другой стороны, со стороны сестер, полная неуступчивость: раз, говорят, избрали, занимай обязанности настоятельницы. Этот спор прекратил иеромонах Серафим, который сказал: «Тебя единогласно избрали, на это есть воля Божия, и если ты откажешься, то за сопротивление воле Божией понесешь кару». Послушница Татьяна согласилась наконец, но долго не могла успокоиться от слез.

Немного хочется от темы отойти в сторону. Приходится иногда читать или слышать: такой-то или такая-то отказались по смирению от настоятельства, в чем здесь смирение? Человек глупый, неспособный, а между тем честолюбивый смотрит не на дело, да по глупости дела он и не видит, а страсть честолюбия видит только один почет в сане настоятеля или настоятельницы и всеми правдами и неправдами стремится к нему, ему важно не дело, а ему хочется видеть крест золотой на своей груди. Какое же значение имеет для такого человека крест, это знамение нашего спасения? Он служит ему в осуждение, потому что чрез это святейшее знамение он затаит в себе страсть своего непомерного тщеславия. Человек стремился всеми силами, правдами и неправдами достигнуть настоятельствования. Наконец достиг, мечтая: теперь ото всех будет почет и уважение, страсть тщеславия и честолюбия удовлетворены, услаждают внутреннего фарисея, человек утешается, проливает даже слезы, «он утешение тщеславием принимает за утешение благодати. Несчастный и омраченный! он не понимает, что, обоняв утонченную воню живущих в себе страстей, он наслаждается ею, признает в слепоте своей воней благодати. Он не понимает, что к духовному наслаждению способны одни святые, что духовному наслаждению должно предшествовать покаяние и очищение от страстей, что грешник не способен к духовному наслаждению» (Епс. Игн., том. 5, гл. 11-я). Проходит некоторое время, новый настоятель или настоятельница не видят ни от кого к себе ни доверия, ни уважения, опять страсти: честолюбие, тщеславие и самомнение не удовлетворены, опять начинают беспокоить: грызут сердце, по самомнению такой настоятель всю вину приписывает не своей неспособности, а возлагает все неудачи на своих подчиненных, у самого настоятеля начинается внутренний мятеж; свой внутренний мятеж он вносит и на своих подчиненных, и пошла по монастырю смута.

Пришла к епископу Феофану Затворнику Вышенскому одна из таких игуменний с жалобой на сестер: что они ее не уважают и не доверяют ей. Епископ Феофан в ответ на эту жалобу сказал: «Начальствование можно получить, а уважение и доверие можно только заслужить».

Не так реагирует на избрание в настоятели человек умный, толковый, способный: он смотрит не на почет, а на трудности в должности настоятеля, он видит их и страшится, что не справится с ними. И естественно, что раз он видит эти трудности, то прекрасно с ними и справляется. Так было и с матушкой Тавифой. Ее духовному взору представился не почет в сане игуменьи, представились ей одни трудности, которые закрыли собою весь почет и ужасали ее. А так как она все трудности настоятельского послушания ясно видела, то поэтому и прекрасно справилась с ними.

После избрания и утверждения настоятельницы в скором времени послушница Татьяна Минина была пострижена в мантию с именем Тавифы, затем в непродолжительном времени была возведена в сан игуменьи. И когда архиепископ Аполлинарий увидел, что управление монастырем стало у Тавифы на твердую почву, то в скором времени и наградил ее золотым наперсным крестом.

Главная заслуга игуменьи Тавифы та, что она, несмотря на свою молодость, с первых же дней управления монастырем сумела привлечь к себе сердца всех сестер и еще до пострижения в мантию стала для всех «матушкой».

Теперь необходимо приступить к описанию, с какими трудностями пришлось столкнуться матушке Тавифе.

Кончилась война, миссийская братия и сестры монастырей возвратились из Александрии на свои места. Жизнь в миссии сразу же вошла в колею. Для миссийской братии была общая трапеза, и кроме трапезы братия миссии стали получать и небольшую денежную помощь, 1100 мильс, а иеромонах 1500 мильс. По тогдашним ценам этого вполне хватало на обувь и одежду. Не то было в монастырях: в Горнем монастыре помещения во время войны сильно были повреждены. Пришла сестра в свое помещение, а оно оказалось с побитыми стеклами, с поломанными рамами, с поломанными дверями, с поврежденными крышами, с поломанными водосточными трубами; последнее повреждение особенно было неприятно, потому что в Горнем во время зимних дождей вода с крыш посредством водосточных труб собирается в цистерны и этим зимним запасом воды сестры живут все лето; если же крыши и водосточные трубы повреждены, то сестра все лето должна оставаться без воды.

Все требовало починки, а средств у большинства сестер никаких не было. У миссийской братии с самого возвращения из Александрии установилась и трапеза, и небольшая денежная помощь, бедным же горненским сестрам два года не давали абсолютно никакой помощи. Наконец миссия надумала оказать некоторую помощь и бедным монастырским сестрам: так выразиться, чиновным, важным сестрам дали помощь по 500 мильс в месяц, а всем остальным по 250 мильс. Вот на эту более чем скудную помощь сестры монастырей должны были и прокормиться, и отремонтировать свои помещения. Положение было безвыходное. Но тогда сестры были молоды, сильны духом и не впали в уныние; пошли на работы кто какую нашел.

Для характеристики тогдашнего положения сестер привожу рассказ одной сестры: «после войны пришла в свое помещение, оно оказалось без дверей, без рам, с поврежденной крышей, с поврежденными водосточными трубами, с поломанным полом, совершенно без всякой обстановки, т. е. без стульев,

столов и шкафов. Жить в помещении без ремонта совершенно невозможно. Денег ни гроша, хлеба ни куска. Легла в разбитом помещении вечером спать на голодный желудок. Утром встала: в желудке от голоду кошки скребут и ни хлеба, ни денег. Собралось нас таких четверо, все молодые (перевалило только понемногу за 20 лет). Собрались у одной сестры, чтобы обсудить положение, желудки у всех сосет от голоду, а мы давай песни петь, шутить и смеяться. Наконец говорим: да ведь песнями-то сыт не будешь, нужно придумать что-либо более практичное; и наконец надумали: попросить у сестер, имеющих сбережения, по несколько пиастров. Вздумано — сделано: попрошайничаньем собрали некоторую сумму денег и в селении Айн-Карем на всю собранную сумму купили арабских лепешек, которые немедленно все и съели. Что делать дальше? Решили ехать в Яффу, искать работы, но на что ехать? Делать нечего, пришлось опять идти попрошайничать, собрали по 8 пиастров, сумму, необходимую на дорогу до Яффы, и сейчас же отправились пешком в Иерусалим, сели на автобус и вечером приехали в Яффу. Пришли в русский миссийский сад, там в это время жил архимандрит Авраамий, пришли все четверо и говорим: батюшка мы очень голодны, покорми нас; отец Авраамий накормил нас, напоил чаем и дал нам ночлег. И там мы ему были благодарны. Утром опять о. Авраамий накормил и напоил нас чаем. После сего мы отправились в Тель-Авив искать работы. Все устроились: кто в прачки, кто в прислуги к англичанам или к евреям. Самая молодая из этих сестер поступила в няни в одно хорошее еврейское семейство; няней в этом семействе она прожила более шести лет. Когда дети выросли и няни в этом семействе стало не нужно, она стала работать у англичанки мисс Керин поблизости от монастыря. Последние же пять лет она работала у двух англичанок: мисс Томсон и мисс Холон. Эти англичанки снимали дом в монастыре, в будни работали в Иерусалиме, а на праздники приезжали в монастырь на отдых, во время этого отдыха вышеозначенная сестра и прислуживала англичанкам; так что несла и монастырское послушание, и, насколько могла, зарабатывала. Так как горненские сестры очень экономны, то сестра, о которой идет рассказ, на своей заработок отремонтировала свое помещение, починила водосточные трубы, починила крышу и цистерну, заново сделала рамы и двери, отремонтировала и выкрасила полы, приобрела необходимую обстановку и посуду, сама приоделась. Кроме всего этого, часть своего заработка регулярно давала игуменье Тавифе на нужды монастыря.

Приблизительно так жили и все неимущие сестры: зарабатывали и своим заработком делились на нужды монастыря со своей любимой матушкой Тавифой.

Те сестры, у которых были некоторые сбережения, жили покойно в своей монастыре, благодумствовали, а для развлечения понемногу ссорились между собою, как это обычно и полагается между женским полом, но эти же сестры и несли обычные необходимые монастырские послушания.

Отношения между игуменьей Тавифой и сестрами были самые хорошие: с одной стороны, игуменья пользовалась уважением и доверием сестер, а с другой — игуменья Тавифа обладала громадной выдержанностью своего характера, и благодаря этим обоюдным качествам если и возникали иногда какие-либо недоразумения, то при встрече с игуменьей они немедленно улаживались. Приходилось слышать от сестер такие рассказы: идешь к игуменье, чтобы поругаться, начнешь говорить первые слова неудовольствия, а игуменья начинает, обращаясь к своей матери, старшей схимнице Гаврииле: «Мама, да послушай-ка ты, сестрица (называет ласкательным именем)

пришла ругаться», затем, обращаясь к сестре: «Да полно тебе, что тебе нужно, да вот садись-ка пить с чай хорошим вареньем, с медом, а попробуй-ка, какие хорошие бисквиты» — и тому подобное. И вот благодаря такому хорошему обращению первые слова неудовольствия замирают у сестры на устах; напьется сестра у игуменьи чаю и идет домой с легким сердцем. У сестер обычным стало выражение: да с ней (с игуменьей) и поругаться-то нельзя. Но где было необходимо, игуменья Тавифа умела сделать сестре и довольно внушительный выговор — не выругать сестру, а сделать, а именно сделать внушение.

Приходит сестра к игуменье, говорит: «Матушка, у меня большая нужда, благословите, хочу поступить на такую-то работу»; игуменья в ответ: «Бог благословит, дорогая моя, да хранит тебя Царица Небесная». (Автор сего многократно был свидетелем таких отношений.)

Благодаря таким качествам игуменья Тавифа пользовалась большим уважением у сестер и доверием, и благодаря последнему сестры помогали своей любимой игуменье Тавифе: сестры, имеющие сбережения, часть оных жертвовали игуменье на нужды монастыря. Бедные сестры вынуждены были работать у англичан и евреев (работать у арабов сестры избегали). Эти бедные сестры также часть своего заработка уделяли своей избраннице — любимой матушке Тавифе. Таким образом была покрыта цинком крыша на трапезе, которая и до настоящего времени не требует ремонта, приобретена необходимая для трапезы посуда, вновь устроена ризница, устроены две плащаницы, шитые золотом по алому бархату; плащаницу вышивали сами же сестры, сестры сами шили и священнические облачения, одежды на престол и завесы для Царских врат. Храм был приведен в благолепное состояние. На свой же заработок сестры отремонтировали и свои помещения.

Сестры в это время ниоткуда не получали помощи, жили более чем скромно, какой же двигатель придавал им энергию — терпеть во всем лишения, а часть своего заработка отдавать настоятельнице монастыря? Это безграничная любовь к своему монастырю и полнейшее доверие к своей избраннице — любимой матушке Тавифе.

Затем по Палестине пошла молва об игуменье Тавифе как об энергичной и примерной настоятельнице; она стала пользоваться уважением и ото всего окрестного населения, ей стали помогать и русские люди, даже помогали англичане, и в том числе помогал английский архиепископ, он любил бывать в гостях у матушки Тавифы. Много ей помогали из Америки. Она для будущего нового собора заготовила громадный сундук: парчи и хороших шелков для облачений священнических, завес, хитонов и облачений на престол. Заготовила большой сундук материй: все надеялись, что из России будут приезжать бедные молодые девушки, и она многих из них оденет. Парчу, шелка и материи ей присылали исключительно из Америки.

Получая помощь, игуменья Тавифа привела монастырь в цветущее, благолепное состояние; это благолепное состояние монастыря поддерживала до самого своего увольнения от должности настоятельницы.

И вот таким образом при управлении игуменьи Тавифы сестры жили мирно, тихо, спокойно и, несмотря на все свои труды, благодумствовали, но зато и любили же они свою избранницу матушку.

В 1945 году приехал в Иерусалим Московский Патриарх Алексий. Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антоний не признавал Святейшего, не принял его и на миссию. Святейший остановился в Греческой патриархии.

Иеромонах Русской духовной миссии Исаия, исполняющий в Горненском монастыре обязанности священника и духовника, по благословению Святейшего Патриарха Алексия перешел из Русской духовной миссии к грекам и Блаженнейшим патриархом Иерусалимским Тимофеем был определен в число братства Св. Живоносного Гроба.

26 октября 1945 года начальник Русской духовной миссии архимандрит Антоний приехал в Горненский монастырь и, не предупредив никого из сестер монастыря, ночью явился в помещение настоятельницы монастыря игуменьи Тавифы и под угрозами потребовал от нее подписать отречение от занимаемой ею должности настоятельницы монастыря.

Игуменья Тавифа управляла монастырем 26 лет, была практична в хозяйственном отношении, пользовалась уважением не только сестер обители, а и всего окрестного арабского населения. Автор сих слов слышал сказанные архимандритом Антонием слова: «Игуменья Тавифа очень любит Горненский монастырь, все свои силы кладет на поддержание монастыря, и как настоятельница для Горненского монастыря она незаменима». И вот эту незаменимую настоятельницу ночью с 26 под 27 октября 1945 г. архимандрит Антоний отстранил от занимаемой ею должности настоятельницы Горненского монастыря, не предъявив к ней никаких обвинений; и на место ее поставил в настоятельницы Горнего вновь постриженную для этой цели монахиню Елисавету Аненкову, которая до сего времени была учительницей вифанской английской школы.

Сменой монастыря все сестры монастыря без исключения были очень недовольны. Они написали заявление архимандриту Антонию о том, что они, кроме игуменьи Тавифы, другой настоятельницы не желают и что игуменья Тавифа, как избранная сестрами, на посту настоятельницы монастыря должна быть до самой смерти. Если же она по слабости сил не сможет управлять монастырем, то в помощь ей избрать трех сестер, которые по благословению матушки Тавифы и будут заведовать монастырскими делами, но игуменью Тавифу не смещать с должности настоятельницы.

К этому заявлению подписались все сестры монастыря, а для передачи его архимандриту Антонию были командированы три сестры-монахини: Рахиль, Алексия и Мариам. На заявление это архимандрит Антоний не обратил даже внимания.

Кроме сего, 27 октября 1945 года сестры Горненского монастыря написали прошение Его Блаженству Блаженнейшему Тимофею, патриарху Иерусалимскому. К прошению этому не подписались только пять сестер, и то потому, что их не было дома. Прошение мотивировалось следующими словами: «Ваше Блаженство, мы в настоящее время не имеем своего русского епископа, но мы находимся на территории патриархата Вашего Блаженства, и мы знаем, что по священным канонам Св. Православной Церкви Вы являетесь законным нашим епископом, и на основании этого положения дерзаем просить Ваше Блаженство принять нас под свое высокое покровительство: защитить нас от незаконных действий начальника Русской духовной миссии архимандрита Антония». Дальше в прошении сестры просили Блаженнейшего, чтоб он своею законною властью возвратил на должность настоятельницы монастыря игуменью Тавифу, если же Тавифа откажется от возвращения на должность настоятельницы, то просим разрешения самим избрать настоятельницу монастыря.

Ночью с 27 под 28 октября 1945 года собирали подписи, не подписались несколько сестер, человек шесть, которых не было дома. 28 октября 1945 года прошение было вручено Его Блаженству.

Блаженнейший патриарх Тимофей послал игуменье Тавифе указ быть настоятельницей монастыря под его покровительством, Тавифа не согласилась. Сестры два часа стояли перед Тавифой на коленях, умоляя ее подчиниться Блаженнейшему, но Тавифа осталась неумолимой.

После отказа игуменьи Тавифы сестры: мон. Вероника Гордеева, мон. Антонина Гришина, мон. Афанасия Лисенкова, мон. Глафира и рясофорная м. Елисавета Умникова — приехали к Блаженнейшему с докладом об отказе игуменьи Тавифы. Так как мон. Антонина Гришина была настоятельницей монастыря еще до игуменьи Тавифы, то Блаженнейший тут же и назначил мон. Антонину Гришину настоятельницей монастыря. Сестры очень недовольны этим назначением, но противоречить Блаженнейшему не решились, тем более что Блаженнейший сказал: «Монахиня Антонина назначается настоятельницей временно, до приезда из Москвы начальника миссии». В помощь монахине Антонине Блаженнейший назначил здесь же присутствующих трех сестер: мон. Веронику, Афанасию и Глафиру, чтобы по греческому обычаю управление монастырем было соборное, а не единоличное. Чрез несколько дней приехали в Горненский монастырь архиепископ Афинагор, заместитель Блаженнейшего патриарха Тимофея, и монахиню Антонину возвел в сан игуменьи, и утвердил официальный Синод (Собор); это происходило в присутствии правительственного уполномоченного, и этот же уполномоченный скрепил акт возведения монахини Антонины в сан игуменьи своею подписью, и благодаря этому обстоятельству наша маленькая патриаршая организация в местном правительстве получила значение юридического лица.

Две трети сестер не захотели подчиниться игуменье Антонине из-за ее невыносимого характера и стали подчиняться настоятельнице, поставленной архимандритом Антонием, монахине Елисавете Аненковой.

Таким образом образовался в Горненском монастыре раскол: треть сестер во главе с игуменьею Антониной стали подчиняться Блаженнейшему Тимофею, патриарху Иерусалимскому, а две трети сестер, во главе с настоятельницей монахиней Елисаветой Аненковой, остались в юрисдикции митрополита Анастасия.

В день возведения монахини Антонины в сан игуменьи архимандрит Антоний закрыл монастырскую церковь, которая оставалась закрытой до ухода из монастыря настоятельницы Елисаветы Аненковой.

Блаженнейший Патриарх Алексей сделал распоряжение, чтобы иеромонах Исаия, состоящий во Святогробском братстве, ездил по праздникам в селение Айн-Карем совершать богослужение для горненских патриарших сестер, для этой цели в селении Айн-Карем дал греческую церковь. Иеромонах Исаия приезжал только на одну ночь: с вечера отслужить всенощную, а утром литургию, после литургии он должен был отправляться ко Св. Гробу на свое святогробское послушание. Сестры оставались одни на целую неделю. Иеромонах Исаия хорошо знал, что архимандрит Антоний все меры предпримет, чтобы патриарших сестер подчинить монахине Елисавете Аненковой; это иеромонаха Исаию очень беспокоило. Нужна для патриарших сестер какая-либо поддержка.

Необходимо избрать умную, толковую, энергичную, волевою сестру, чтобы в случае угроз со стороны архимандрита Антония могла ободрить и поддержать патриарших сестер. Сестру Елисавету Умникову арабы еще раньше прозвали Кбир Большевик («большая большевичка»); прозвище это Умниковой арабы дали на том основании, что, по их убеждениям, Умникова не

боится даже и верховного комиссара, то тем более не испугается и архимандрита Антония. Последствия показали, что выбор оказался очень удачным.

За это время, пока иеромонах Исаия жил у Св. Живоносного Гроба, в Горнем происходили следующие события: денежную помощь сестрам привозил и раздавал в трапезе сам архимандрит Антоний: подходит сестра из патриарших — архимандрит Антоний держит деньги перед носом сестры и начинает ей делать выговор и угрожать всякими возможными карами, если сестра не подчинится Елисавете Аненковой. Старухи трепещут, ибо все убеждены, что архимандрит Антоний всемогущ пред англичанами, и готовы сейчас же спасовать и присоединиться к Елисавете Аненковой, но вот выступает сестра Елисавета Умникова, и начинает прение с архимандритом Антонием, и каким-то образом всегда выходила победительницей в этой словесной войне, так что архимандрит Антоний в присутствии Елисаветы Умниковой перестал старухам делать выговоры; это старух ободряло, но в отсутствие сестры Елисаветы Умниковой выговоры и угрозы продолжались. Являлось опасение: как бы в конце концов архимандрит Антоний не повлиял бы на сестер и не убедил бы их отойти от Блаженнейшего патриарха Тимофея. Что делать? У сестры Елисаветы Умниковой явилась мысль обратиться к администратору русских имуществ с жалобой на архимандрита Антония и просить его, чтобы пособие выдавал сестрам не архимандрит Антоний, а чиновник из администрации. Сестра Елисавета Умникова берет с собою монахиню Афанасию Лисенкову и еще несколько сестер и отправляется к иерусалимскому губернатору, он же и администратор русских имуществ. Губернатор по-русски не понимает, а потому сестра Елисавета объясняет все на арабском языке и требует (не просит, а требует) от лица всех пришедших сестер, чтобы для выдачи пособия сестрам администратор присылал своего чиновника. Сверх всякого ожидания требование это было удовлетворено, и деньги стал привозить в монастырь назначенный губернатором чиновник. Таким образом пугливые сестры были избавлены от неприятной встречи с архимандритом Антонием. Это событие ободрило всех патриарших сестер, и они поколебались в уверенности, что архимандрит Антоний всемогущ пред англичанами.

Провизию в то время по общей карте для всего монастыря привозила антониевская настоятельница Елисавета Аненкова, она же ее и раздавала; во время разделения продуктов Елисавета Аненкова уговаривала патриарших сестер, чтобы оставили патриарха и подчинились бы архимандриту Антонию и ей как настоятельнице монастыря, говорить она, как особо образованная, интеллигентная, могла очень хорошо, вкрадчиво и убедительно. Некоторые патриаршие сестры стали подпадать под ее влияние и даже целовать у нее руку. Опять опасность: наша патриаршая организация постепенно может исчезнуть. Чтобы избежать этой опасности, сестра Елисавета Умникова берет опять несколько сестер и идет в синдикат, от которого получали продукты, и требуют на арабском языке, чтобы продукты привозили в монастырь к трапезной и чтобы раздавал их сестрам служащий синдиката. Из синдиката по телефону запросили Иерусалим: что ответить горненским русским сестрам? Из Иерусалима ответили, что нужно удовлетворить требование горненских сестер. С этого времени стал выдавать продукты сестрам служащий синдиката у монастырской трапезной.

Настоятельнице Елисавете Аненковой это было невыгодно, потому что благодаря этому патриаршие сестры ушли из-под ее влияния; и вот однажды везет продукты на осле служащий синдиката, настоятельница Елисавета

выслала ему навстречу несколько своих сестер, которые оттолкнули служащего синдиката от осла и потащили осла к себе. Патриаршие сестры увидели это, догнали Елисаветиных сестер, и вот двое из них, Елисавета Умникова и Афанасия Лисенкова, вступили с Елисаветиными сестрами в драку, остальные сестры с перепугу попрятались, да и служащий синдиката, привезший продукты, со страху убежал подальше от военных действий. Несмотря на то что Елисаветиных сестер было пять человек, Елисавета и Афанасьева отбили осла с продуктами и притащили его к трапезной. Опять роздал продукты служащий синдиката.

Теперь само собой явилось предположение, что эта история может повториться, а так как военное счастье бывает изменчиво, то в один прекрасный день победительницей может оказаться настоятельница Елисавета. Ввиду этого опять сестры под руководством Елисаветы Умниковой идут в синдикат и заявляют: во избежание могущих быть недоразумений сестры сами будут приходить за продуктами в синдикат и чтобы в монастырь продуктов не привозили. Это требование патриарших сестер опять было удовлетворено. Таким образом всякое общение с настоятельницей Елисаветой Аненковой было прервано и опасность, что патриаршие сестры подпадут под ее влияние, миновала. И к тому же все эти события патриарших сестер ободрили: теперь самые трусливые из них окончательно перестали верить во всемогущество архимандрита Антония пред англичанами, как это постоянно внушалось всем сестрам.

До Пасхи 1946 года иеромонах Исаия жил у Живоносного Гроба, а по праздникам ездил служить в Айн-Карем для патриарших сестер.

В Великую Среду 1946 года иеромонах Исаия должен был ехать в Айн-Карем и служить там дни Страстной седмицы и Пасху, но настоятель Св. Гроба архимандрит Кириак не отпустил его, потому что некому было исполнять его обязанностей у Живоносного Гроба; он очень скорбел, что горненские сестры в такие дни останутся без богослужения, а поэтому он упросил иеромонаха Амвросия съездить в Горня и послужить там в эти великие дни. О. Амвросий согласился. В Великую Субботу увидел иеромонаха Исаию владыка Афинагор и спросил его: «Почему не в Горнем?» Иеромонах Исаия ответил: «Не отпустил архимандрит Кириак, и я упросил послужить в Горнем о. Амвросия».

После Пасхи владыка Афинагор призвал иеромонаха Исаию к себе и спросил: «Найдется ли в Горнем помещение, где ты мог бы жить?» Иеромонах Исаия ответил: «Найдется». Тогда владыка сказал: «По благословию Блаженнейшего патриарха Тимофея переходите жить в Горня и исполняйте пастырские обязанности для патриарших сестер». С этого времени иеромонах Исаия стал жить в Горнем в подвальном помещении у игуменьи Антонины. Сестры настоятельницы Елисаветы ежедневно собирались для богослужения в так называемой «дворянской», у нас же для этого не было помещения. В Айн-Карем старым монахиням ежедневно ходить было не под силу; изредка собирались в помещении игуменьи Антонины, когда она была в хорошем расположении духа, а так как это очень редко случалось, то поэтому общее богослужение у нас было не часто, это обстоятельство нас очень угнетало, но Господь помог нам.

Один из монастырских домов несколько лет арендовала англичанка мисс Томсон, она работала в Иерусалиме, а в монастырь со своей подругой мисс Холон приезжала по праздникам для отдыха. Когда евреи загнали англичан за проволоку, то мисс Томсон в монастырь тоже не могла приезжать,

арендуемое ею помещение стояло пустым; пользуясь этим обстоятельством, сестра Елисавета Умникова отправилась в Иерусалим к мисс Томсон и просила ее разрешить в арендуемом ею помещении собираться нам для ежедневных молитвословий, мисс Томсон сказала: «Я очень буду рада, что вы будете молиться в моем помещении, но я могу это разрешить вам только на три месяца, потому что через три месяца кончается мой контракт на дом».

Получив разрешение мисс Томсон занять ее помещение, из подвального помещения игуменьи Антонины иеромонах Исаия перешел жить в помещение мисс Томсон.

С этого времени мы устроили в этом доме ежедневное уставное богослужение. Необходимые для этого книги мы получали из Греческой патриархии. Литургию служили только по праздникам в Айн-Карем и греческой церкви.

Пока у мисс Томсон не кончился контракт на дом, мы позаботились узнать, по окончании контракта на дом может ли архимандрит Антоний выгнать нас из дома; по наведенной справке оказалось: выгнать нас из дома никто не может, и не только не может выгнать архимандрит Антоний, а даже и сам губернатор. (Справку эту сама же мисс Томсон достала из правительства.)

Архимандрит Антоний делал попытки выгнать нас из дома; по его просьбе мне из администрации присылали письма, но я их не принимал. Затем приехал из администрации чиновник, который под видом необходимости ремонта дома предлагал нам на время выйти, но мы на эту удочку не пошли. Так как сестра Елисавета Умникова хорошо владеет арабским языком, то вся словесная война за дом легла на ее плечи, и, в сущности, дом именно она и отвоевала.

Между арабами и евреями стала разгораться война; арабы к русским стали относиться недоброжелательно, для литургии ходить в Айн-Карем стало опасно, поэтому архиепископ Афинагор наказал, чтобы я пришел к нему. Когда я пришел к владыке Афинагору, то он сказал: «Сейчас же возьмите от Гроба: антиминос, сосуды и облачения — и служите литургию в вашем молитвенном доме, а в Айн-Карем больше не ходите»; итак, с этого времени до открытия церкви литургию мы служили в нашем молитвенном доме.

Благодаря тому что арабы к русским относились неодобрительно, наше положение с каждым днем становилось опаснее. Для характеристики привожу несколько примеров: за просфорами и вином для литургии приходилось ходить в Иерусалим в патриархию. Сначала я ходил пешком, обычная в Иерусалим дорога уже была закрыта, приходилось ходить через селение Мальха и Катамон, несколько раз хотя и с неприятностями, но сходил благополучно, но вот однажды в селении Мальха остановили меня на арабском посту, пошли допросы, потребовали паспорт, я предъявил им английский, говорят: «Гада иглиз пас, лязим араби» («Это английский паспорт, нужно арабский»). Такого у меня не было, и еще долго мучили допросами. Наконец решили: «Алкет лязим бетбах» («Сейчас же нужно зарезать»); в это время случайно подошел араб из Айн-Карем, который услышал, что меня хотят зарезать, сказал: «Что вы делаете, это же наш хури (священник)». После этого случая я уже не осмеливался ходить пешком, пришлось ездить на траке (на грузовом автомобиле).

Обычно трак из Иерусалима до Айн-Карем шел полчаса, но, так как он часто попадался под обстрел, часами приходилось стоять под прикрытием: проскочит открытое место на полном ходу и опять стоит под прикрытием,

и таким образом из Иерусалима до Айн-Карем трак шел не менее пяти часов, и за это время были убитые и раненые. В монастыре тоже было опасно выходить из помещения: в меня три раза стреляли, пули ударялись в стену на несколько сантиметров от меня.

Однажды помещение сестры Елисаветы Умниковой обступили египетские арабы, ее саму держали под винтовками, а в помещении делали обыск. Эта же сестра пошла однажды в Айн-Карем в магазин за провизией, в магазине было много арабских солдат, она слышит — солдаты перешептываются между собою: эта самая и есть Кбир Большевик, нужно сейчас же зарезать, местный араб уверяет, что это другая, только похожа на Кбир Большевик, и с большим трудом уверил, что это не Кбир Большевик. Сестра Елисавета все слышит, все понимает, но не подала и виду, как будто она совсем не понимает по-арабски, спокойно взяла что нужно и отправилась домой, спасший ее араб пошел рядом с ней и шепчет: иди потише и не оглядывайся назад; довел до источника, а у источника сказал арабской женщине: доведи матушку до монастыря — и еще добавил: идите потише и не оглядывайтесь назад, чтобы не было подозрения, а то, пожалуй, начнут стрелять.

После этого Умникова до прихода евреев никуда не выходила из монастыря.

Сестра всю душу клала на родину, работала, арабы измотали ей все нервы.

Во время приезда в Палестину митрополита Григория по просьбе сестер и духовника игуменья Антонина была награждена золотым наперсным крестом. Этим актом сестры имели в виду придать пред раскольниками авторитет нашей патриаршей организации. Елисавета Умникова была против этого награждения, она предупреждала нас: глупая, сумасбродная старуха возомнит о себе, и нам будет не совладать с нею, слова ее вполне оправдались.

Первое время по награждении игуменья Антонина держала себя с сестрами довольно прилично, но постепенно становилось все хуже и хуже: никому ничем стало на нее не угодить, стала на всех клеветать: Вероника украла у нее апостольник, Глафира сорвала у нее пуговицы на куртке, Афанасия наплевала в лицо. И это еще самая невинная клевета, самой-то настоящей клеветы и на бумаге написать невозможно: человек совершенно ненормальный в эротическом направлении, и такую чепуху плела по этой части, не стеснясь ни пола, ни возраста. Однажды зазвала к себе еврейского коменданта и такую ему наплела чепуху про своих сестер, что командир лично мне и Елисавете сказал: ваша Раиса совсем сумасшедшая.

Наконец, игуменья Антонина дошла до того, что стала нам угрожать: пойду, поклонюсь архимандриту Антонию, отнесу ему крест, и мы откроем с ним церковь (церковь-то архимандрит Антоний закрыл и запечатал двери без патриарха, но открыть без разрешения патриарха не мог, не разрешали англичане). Глупая старуха воображала: если она перейдет к Антонию, то благодаря этому и церковь Антоний откроет. Благодаря последней угрозе пришлось идти к архиепископу Афинагору за советом, что нам делать с игуменьей. Владыка Афинагор сказал: передайте ей от меня: крест ты получила от нас, а не от Антония, и принеси его к нам, а сама убирайся хоть к ч-рту, в игуменью мы поставим другую. После сего игуменья Антонина перестала нам угрожать переходом к Антонию, но другие капризы по-прежнему продолжались.

Через капризы глупой старухи, видимо, кто-то надумал возмутить мир нашей патриаршей организации, а может быть, и совсем ее разрушить, но нас, как крепкая стена, ограждал Блаженнейший. У меня уже вошло

в уверенность, что сознательно в этом направлении работала сестра Ксения Горячковская, а бессознательно — некий Николай Петрович Бабич, бывший русский флотский офицер. Бабич примкнул к нашему патриотическому движению, и, видимо, искренно. Горячковская и Бабич имели переписку с архимандритом Симеоном Никитиным, присланным из Москвы в Бейрут на приход, вошедший в юрисдикцию Патриарха Московского. Вот этому архимандриту Симеоноу Ксения и Бабич написали письмо, чтобы он приехал в Горняя якобы уладить какие-то недоразумения.

К этому необходимо заметить: при отъезде из Иерусалима митрополит Григорий и протоиерей Н. Колчицкий, показывая мне на архиепископа Афинагора и архимандрита Наркиса, сказали: «Вот ваши покровители, со всеми недоразумениями обращайтесь к ним». После такого прямого распоряжения мы не могли обращаться куда-либо в другое место, тем более что греки хорошо за нами наблюдали, не отказывали в помощи и при наших сношениях с местным правительством, в котором Блаженнейший патриарх Тимофей пользовался большим авторитетом.

Приехал в Горняя Н.П. Бабич и сообщил: «Вчера поздно вечером приехал из Бейрута архимандрит Симеон и у меня ночевал, а сейчас он находится в Греческой патриархии». Этому сообщению мы очень обрадовались. С Бабичем мы немедленно отправились в Иерусалим. Архимандрит Симеон сказал мне: «Я специально приехал в Горняя по поручению Святейшего Патриарха Московского Алексия и хочу в Горнем по поручению Святейшего изменить образ управления монастырем» — и что завтра он будет служить в Айн-Карем в греческой церкви, разрешение на это от Блаженнейшего получено, а так как он завтра намерен установить в Горнем новые порядки, то он идет побеседовать с архиепископом Афинагором. После сего я с радостной вестью отправился в Горняя. Все были очень рады, что завтра у нас будет служить московский архимандрит. Служили литургию мы вдвоем, архимандрит Симеон и иеромонах Исаия.

В конце литургии сказал проповедь, объявил сестрам, что он приехал в Горняя по поручению Святейшего установить новые порядки. Коснулся в проповеди монашеского послушания и прочего монашеского жительствова.

После литургии у игуменьи Антонины было приготовлено хорошее угощение, были приглашены и сестры. За угощением архимандрит Симеон стал отдавать распоряжения: Синод, поставленный Блаженнейшим, отменяется, управляет монастырем игуменья единолично, но, так как игуменья болезненна и очень стара, то ей должна быть избрана помощница, таковую должна избрать сама игуменья. На прощание архимандрит Симеон сказал: «Завтра в 7 часов я служу литургию на Голгофе, и чтобы горненские певчие сестры приехали петь».

На следующее утро я рано отправился в патриархию с докладом о том, что наделал у нас архимандрит Симеон и как нам относиться к его распоряжениям. Член греческого Патриаршего Синода архимандрит Наркис сказал мне: никаких полномочий у архимандрита Симеона от Патриарха Московского нет, в Иерусалим он приехал по своему личному делу — просить нотных книг у монахини Сергии для своего бейрутского хора, все его распоряжения считать недействительными, в Горнем положение остается таким же, как было установлено Его Блаженством. При этом мне сделал выговор: почему я как настоятель греческой церкви в Айн-Карем разрешил архимандриту Симеоноу говорить проповедь за литургией; у нас ему было дано разрешение только отслужить литургию, но на проповедь разрешения

не было дано. Мне пришлось извиниться, что не потребовал у архимандрита Симеона документа.

Отношения между евреями и арабами никогда не отличались миролюбием, отношения между ними все более и более становились натянутыми и наконец дошли до открытой войны. Селение Айн-Карем евреи иногда стали обстреливать. Во время этих обстрелов начиналась в селении невероятная паника. Хотя арабы-магометане считаются фаталистами и благодаря этому будто бы равнодушно относятся к смерти, но на практике оказалось, что они очень даже боятся смерти.

Надеясь, что русский монастырь евреи обстреливать не будут, для безопасности арабы, не спрашивая разрешения, массами стали переселяться жить в монастырь, заняли все свободные помещения и все подвалы; набились в монастырь как селедки в бочку. В это время сестрам монастыря стало очень трудно жить с этим полудиким и враждебно настроенным к русским народом; создалось такое положение, что хоть не выходи из помещений, особенно приходилось трудно от мальчишек: как только увидят вышедшую из помещения сестру, начинают бросать в нее камнями. Неоднократно угрожали, что всех вас вырежем. Монастырь страшно загадили. Прошло немного времени — замечаем, арабы постепенно стали уходить по направлению на Бет-Жалу. Уходить, как после узнали, арабы начали потому, что на Айн-Карем стали наступать евреи, через несколько дней ни в монастыре, ни в Айн-Карем не осталось ни одного араба, остались только на окружающих Айн-Карем высотах арабские войска. Пять дней селение Айн-Карем оставалось совершенно пустым, бегали только несчастные голодные кошки и собаки. Как-то жутко было проходить по Айн-Карем.

Вместе с арабами ушла и настоятельница Елисавета Аненкова, ушел и ихний священник иеромонах Лазарь, по национальности англичанин; вместе с ними ушли 20 человек сестер. Настоятельница Елисавета вывезла провизии из монастыря на 20 ослах, а иеромонах Лазарь захватил и некоторые церковные вещи, и в том числе священные сосуды.

Каждую ночь поблизости монастыря шли бои. С 4 под 5 июля стрельба началась и в самом монастыре, все кругом тряслось и гремело от взрывов мин. Еще месяца за три до этого еврейский офицер предупредил нас: если услышите в монастыре стрельбу, держитесь подальше от окон, стрелять в вас никто не будет, но может попасть шальная пуля. Несмотря на то что пули свистели по монастырю, сестры 5 июля в 6 час. утра, в день обретения мощей Преп. Сергия Радонежского, собрались на литургию, которая по случаю закрытия церкви совершалась в доме. Несмотря на то что весь дом содрогался от взрывов, сестры держали себя покойно. Только окончилась литургия — в коридоре послышался шум, оказалось, ворвались еврейские солдаты, офицер, увидев в открытые двери священника, не впустил солдат в помещение. Бой прекратился, арабы отступили.

Всех нас собрали в одно помещение, командир приказал мне всех переписать и список передать ему. День нас продержали всех вместе. В 3 часа пополудни пришел офицер, командовавший взятием Айн-Карем, и всех нас отпустил по своим помещениям. Необходимым считаю заметить: мы очень удивлены были в высшей степени предупредительным отношением к нам еврейских солдат и командиров.

Через день после взятия Айн-Карем прибыли в монастырь: администратор русских имуществ Исаак Львович Рабинович и секретарь Палестинского общества Владимир Алексеевич Самарский и еще один офицер из военного

командования. Составили списки всех сестер в двух экземплярах на предмет снабжения нас продуктами и объявили нам, что министром исповеданий назначено нам денежное пособие: священнику 10 фун., а сестрам по 4 фун. в месяц; этим обстоятельством мы были очень обрадованы, так как мы совершенно ничего не имели. Блаженнейший патриарх Тимофей дал нам 100 фун., на эту сумму мы сделали запасы муки, мука эта приходила к концу, и вот на нас неожиданно, как с неба, упала милость Божия. Через несколько дней мы получили продукты и денежную помощь. Я получил приказ организовать комитет из пяти сестер для получения и распределения продуктов, меня же назначили быть контролером по распределению продуктов. В монастыре был раскол: одна часть сестер подчинялась Блаженнейшему патриарху Тимофею, а другая — состояла в юрисдикции митрополита Анастасия, у этой части сестер сбежало все их начальство, не исключая и начальника Русской духовной миссии архимандрита Антония, так что эти сестры остались без возглавления.

У меня от Блаженнейшего был получен наказ: в случае если сношения с патриархией прекратятся, то я должен во всем управлении монастырем и греческой церковью в Айн-Карем действовать от имени Блаженнейшего. Был также дан наказ, как принимать в общение, если какие из сестер захотят уйти из раскола и присоединиться к нам.

Оставшиеся сестры-раскольницы первоначально как-то дичились нас, они, может быть, думали, что мы будем угнетать их; чтобы нам с ними слиться, нужно было как-то подойти к ним; мною был избран следующий способ: я пригласил одну из раскольников-сестер монахиню Рахиль и сказал ей: «Матушка Рахиль, еврейской администрацией приказано мне составить комитет по распределению продуктов, возьмитесь составить этот комитет, изберите две сестры из своей среды и две из нашей среды, а потом четверо изберите еще пятую сестру из какой хотите среды; эти пять сестер и будут получать и распределять продукты. До приезда из Москвы начальника миссии комитету придется заведовать и всеми монастырскими делами».

Монахиня Рахиль согласилась, и из среды сестер-раскольников по моей просьбе вошла она сама и еще пригласила монахиню Ангелину Крюкову; из патриарших сестер вошли в комитет монахиня Афанасия и сестра Елисавета Умникова; эти четыре сестры избрали пятую — монахиню Евгению Толкачеву.

От администрации комитет получил утверждение и приступил к деятельности. Первая деятельность комитета была следующая: раскольническое начальство закрыло все помещения и при бегстве из монастыря ключи унесло с собою; первым делом мною было получено от коменданта Айн-Карем разрешение открыть церковь, для этой цели приглашен был слесарь, который и открыл ее. Помещения, в которых жили арабы, открывали солдаты под наблюдением офицера, а все остальные монастырские здания, по разрешению коменданта Айн-Карем, мы открыли сами. Открыли трапезную, там нашли много мыла, было кусков около ста. Ключи от трапезной были вручены игуменье Антонине. Открыли бывшую книжную лавку, там нашли бутыл, ведра на три, оливкового масла, решили это масло сейчас же раздать сестрам. Началась раздача масла, игуменья пристаёт с руганью то к одной сестре, то к другой, началось между сестрами волнение, поэтому я сказал игуменье: «Матушка, у нас не изжит один раскол, а вы сделаете несколько расколов, если не можете обойтись без ругани, идите лучше домой, масло раздадут и без вас». Игуменья ушла.

После нескольких таких случаев меня стало беспокоить, как бы игуменья не разрушила всего, тем более что сестры-раскольницы не привыкли к такому грубому обращению, у них настоятельница монахиня Елисавета Аненкова была особа интеллигентная, образованная, обращаться с сестрами умела, поэтому я пошел к игуменье и сказал ей: «Матушка, момент сейчас ответственный, нам со всеми сестрами необходимо объединиться, а вы со своим характером разобьете все, поэтому возьмите себе келейницу и сидите себе дома спокойно, ни во что не касаясь, а ключи сейчас же отдайте мне, и я их передам комитету». Ждал, что игуменья вспылит, поднимется целая буря, но, к моему величайшему удивлению, она совершенно спокойно отдала мне ключи. Зато при выходе от игуменьи Антонины встретили меня две сестры и как следует выругали. Эти две сестры главные смутьянки, которых до самого приезда архимандрита Леонида пришлось сдерживать, чтобы не завели смуты. От этих сестер после приезда архимандрита Леонида и пошла вся смута по монастырю.

Церковь больше двух лет была закрыта, везде была пыль, паутина. Прежде чем служить, необходимо было сделать большую уборку. Все сестры, и патриаршие, и раскольницы, с самого раннего утра пришли на уборку церкви, самые старые монахини участвовали в уборке церкви. Целый день продолжалась уборка церкви. Вечером отслужили всенощную, а наутро литургию, за литургией были приняты в общение сестры, бывшие в расколе.

Весь монастырь арабами был до невозможности загажен, сестры с большой энергией и воодушевлением принялись за очистку монастыря. Одни убирали мусор на улице, другие чистили, мыли загаженные и закопченные помещения. Всеми работами, как более смышленная, руководила сестра Елисавета Умникова. Больше месяца продолжалась эта работа. Только очистили монастырь — слышим, из Москвы в Тель-Авив прибыло советское посольство, мы так были этим обрадованы, все повеселели.

Через несколько дней приехал в монастырь консул Николай Петрович Сергеев и Александр Семенович Семиюшкин. Приняли их на так называемой «дворянской», после чаю на дворянской прошли по монастырю, зашли в церковь, в церковь собрались все сестры. Консул Н.П. Сергеев поблагодарил сестер за сохранение русского имущества. Посещение монастыря консулом на всех сестер произвело в высшей степени благоприятное впечатление. Консул еще обрадовал нас сообщением, что в скором времени приедет из Москвы начальник миссии, это сообщение также нас обрадовало.

Подспела уборка маслин, все сестры с усердием собирали маслины.

Стали выжимать масло, и вот во время выжимки масла неожиданно приехал в монастырь начальник миссии архимандрит Леонид. Как выжимали масло, так в рабочих костюмах все сестры собрались в церковь, сделали встречу, отслужили краткий молебен. Мною была сказана краткая приветственная речь.

Перед приходом евреев антониевские главари убежали. Пришли евреи, с разрешения еврейской администрации открыли церковь. Раскольницы к нам присоединились. Наладилась мирная, тихая, спокойная жизнь. Сестры все без исключения с большой энергией и воодушевлением работали по очистке до невозможности загаженного монастыря. Нужно еще заметить следующее: со дня вступления нашей маленькой организации под покровительство Блаженнейшего патриарха Тимофея и до дня приезда архимандрита Леонида между нами царил мир и согласие; убежало раскольническое начальство, бывшие раскольницы влились в нашу организацию, они также

прониклись нашим мирным настроением. Нельзя сказать, что не было попыток возмутить наш мир, попытки эти были, враги наши усиленно старались внести ссоры между нами, и главное то, что некоторые члены нашей организации старались идти на поводу у наших врагов, но старания наших врагов не увенчались успехом: мира между нами разрушить не удалось; это говорит за то, что руководителями нашей организации был принят правильный курс.

По благословию Святейшего, вернее, по приказанию из миссии я перешел к грекам и был определен в число Святогробского братства, через некоторое время получаю от начальника Русской духовной миссии архимандрита Антония через его адвоката официальную бумажку, которая гласит: по таким-то и таким-то статьям закона (статей закона не упомянул) я не считаю более себя обязанным выдавать тебе пособие. Так как у греков я получал полное содержание, а в том числе и денежную помощь такую же, какую получали и все греческие иеромонахи, потому эта антониевская бумажка меня несколько не беспокоила: не дашь — и не надо, я и без твоего пособия прекрасно живу. Через три месяца вызывают меня к английскому администратору русским имуществом, и там сказали мне: тобою за три месяца не получено от русской миссии пособия, вот вам чек на всю эту сумму, деньги по нему получите в банке и впредь приходите сюда каждый месяц, и будете получать чек. Комментарии излишни.

Прошло немного времени, архимандрит Леонид вызывает меня в миссию и дает следующее распоряжение: консул Н.П. Сергеев хочет, чтобы в Яффе было ежедневное богослужение, хотя самое коротенькое, поэтому я предлагаю вам ехать на жительство в Яффу. Конечно, желание консула, чтобы совершалось ежедневное богослужение, меня порадовало. Меня очень не устраивала переездка в Яффу, но я дал согласие. Жить долго в Яффе не пришлось, нужно было выехать в Иерусалим для операции правого глаза (снять катаракт) в глазной лечебнице доктора Тихо. После операции и 18-дневного лежания в госпитале был еще предписан доктором следующий режим: еще три недели не мыть головы, голову всегда держать прямо, спать только на спине и на левом боку, не читать, не писать, чулки и ботинки должен одевать кто-либо другой, так как при наклонении головы во время надевания ботинок из глаза может появиться кровь — и глаз навсегда потерян, не зажигать примуса и не готовить. Архимандрит Леонид на неделю раньше заставил меня прекратить этот режим и ехать в Яффу. Я подчинился, все еще думал, что это необходимо для дела. В Яффе было полное неустройство, даже воды не было: пройдет дождь — есть вода, нет дождя — иди за водой в город. В Яффе я прожил четыре месяца, и за эти четыре месяца пришлось в Иерусалим и обратно сделать семь поездок.

Со всеми встречающимися недоразумениями согласно указанию Григория, митрополита Ленинградского, и протопресвитера Н. Колчицкого мы обращались к заместителю Блаженнейшего патриарха Тимофея архиепископу Афинагору и архимандриту Наркису, когда же выяснилось, что вследствие арабо-еврейской войны сношения с Греческой патриархией должны прекратиться, то от архиепископа Афинагора мною было получено следующее распоряжение: «Мы будем вас считать представителем Блаженнейшего патриарха Тимофея в Айн-Карем и в Горнем, и поэтому во всех церковных, монастырских делах, а также по делам греческой церкви в Айн-Карем распоряжайтесь от имени Блаженнейшего патриарха Тимофея». Когда архиепископ Афинагор и архимандрит Наркис уже после приезда архимандрита

Леонида первый раз приехали в Горня, то за чаем на дворянской в присутствии игуменьи Антонины и нескольких сестер об этом распоряжении осведомили архимандрита Леонида и еще добавили, что по делам греческой церкви в Айн-Карем мы и сейчас считаем о. Исаию представителем Блаженнейшего.

В силу вышеозначенного распоряжения до самого приезда архимандрита Леонида все монастырские и церковные дела вел самостоятельно, и может ли кто сказать, что дела эти шли плохо.

После приезда архимандрита Леонида я уже совершенно ни к чему не касался, знал только церковное богослужение и больше ничего, да и в церковном-то богослужении абсолютно во всем подчинялся уставщице монахине Веронике.

Еп. Владимир приехал в Иерусалим к 1 января 1950 года по старому стилю.

В Крещенский сочельник после обычного водоосвящения певчие и игуменья Тавифа обычно ждали, когда иеромонах потребит Св. Дары, а затем игуменья Тавифа, певчие и иеромонах шли со святою водою в трапезную, затем на так называемую дворянскую гостиницу, с дворянской на пасеку, в так называемый диаконский дом, к монахине Антонине, к Афанасии и Глафире, а после шли уже к игуменье Тавифе, и по окроплении игуменского помещения иеромонаху и певчим предлагался обед и чай. По кельям сестер ходили уже 7 января. Афанасия этот порядок прекрасно знала, так как ежегодно в сочельник в качестве певчей ходила со святою водою. Но вот в сочельник 1950 года Афанасия закрыла трапезную и сама убежала, певчие, как обычно, дождались, пока мною потреблены были Св. Дары, и отправились со св. водою в трапезную, трапезная оказалась закрытой, Афанасия с ключами убежала, и так в сочельник никуда со св. водою не ходили.

После смерти игуменьи Антонины начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме епископ Владимир в Горнем в трапезной сказал: «Через 40 дней я приеду к вам, и вы изберете новую игуменью, и кого вы изберете, того я и поставлю, а до этого времени исполняющей обязанности настоятельницы назначаю монахиню Афанасию». Сестры ответили на это полным молчанием, потому что Афанасию никто не любит. Прошло уже не 40 дней, а пять месяцев, о выборе игуменьи ни слова. Затем епископ Владимир приехал в Горня, в комнате у Афанасии поставил ее в настоятельницы монастыря. Опять прошло около месяца. Пошли слухи, что епископ Владимир секретно поставил Афанасию в настоятельницы монастыря, в подвале. Правда это или нет — никто не знает. Наконец священник монастыря получает указ возносить имя настоятельницы монахини Афанасии на ектениях, и только тогда поняли, что подвальное поставление — факт.

21/8 июля 1950 г. приехал в русский Горненский женский монастырь начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме епископ Владимир и объявил сестрам, что приехал на выборы игуменьи. Роздали сестрам конверты, чтобы каждая написала, кого она хочет в игуменьи, и назначил сам трех кандидаток: монахиню Афанасию Лисенкову, монахиню Смарагду Лашину и монахиню Ангелину Крюкову (по указу Святейшего синода от 24 июля 1898 года за № 2699 кандидаток в настоятельницы должны выбирать сами сестры, а не начальник миссии). На Ангелину Крюкову не подали ни одного голоса. Голоса разделились на монахиню Смарагду и монахиню Афанасию. Прошла монахиня Афанасия. После подсчета голосов епископ Владимир сказал: «Настоятельницей монастыря будет монахиня Афанасия, а монахиня Смарагда будет ей помощницей».

В жизнеописании нового светильника монашества архимандрита Паисия Величковского пишется: «Пребывая Паисий в обители Любецкой радость великую имеяше в душе своей: зане видяше яко игумени обители сей, яко чадолюбивый отец управляше братиею, с великою любовью и кротостию, смирением же и долготерпением. Сего ради и братие вси пребываху в мире глубоце и любви ко Отцу и друг ко другу». Чрез некоторое же время — «Определен бысть во обитель ону иной игумен, иже пришед во обитель Любецкую, начат управлять ею не по подобию предреченнаго блаженнаго игумена любовью, но властительски, его же устроение распознавше братие зело ужасошася: яко нецыи от них страха ради и разбегошася от обители». Ушел из обители и старец Паисий. Так вот и в Горнем: ушло раскольническое начальство, все сестры соединились в одно стадо. Какой был мир между сестрами, какое согласие, с какой энергией стали работать, все напоминало первые века христианства. Никто не махал на сестер кулаками; жизнь мирная, спокойная, согласная направилась исключительно благодаря нравственному влиянию.

В Горненском монастыре моложе 65 лет только 17 сестер, из них одна несовершеннолетняя, 13 лет, семь сестер больных, трудоспособных только девять человек, на этих девяти сестрах лежат все монастырские работы.

Старше 65 лет восемь сестер, из них три больных.

Старше 70 лет восемь сестер, из них одна слепая.

Старше 75 лет шесть сестер, из них три больные сестры.

Старше 80 лет девять сестер, из них три больных.

Одна сестра — 93 года.

Иеромонах Исаия

25 июля, по новому стилю 7 августа, 1950 года

Литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 573. Материалы по Иерусалимской патриархии. 3 января — 19 декабря 1949.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 133. Материалы по Иерусалимской патриархии. 13 января 1954 — 3 декабря 1954.

Evgenii V. Palamarenko

Saints Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies

Address: bldg. 1, 4/2 Pyatnitskaya St., 115035 Moscow, Russian Federation

E-mail: palamarenko.2012@mail.ru

The history of the Gornensky Convent written by hieromonk Isaiah (Babinin) in 1950

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10016

This publication includes a little-known source on the history of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem and the Gornensky Convent in Ein-Karem. In 1950, Hieromonk Isaiah (Babinin) prepared a work on the history of the Gornensky Convent, which highlights many issues related to the New Testament history of the area near Jerusalem, the emergence of the Christian presence on it, its development, and after – the creation of monasteries on its territory, the main and the largest of which is considered the Gornensky Russian Convent, founded by Archimandrite Antonin (Kapustin) in 1871. The work pays considerable attention to the activities of the undivided Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem in the period from 1918 to 1948. Realizing the uniqueness of this period and the almost complete absence of research into the post-revolutionary period of the Mission's activities or the period of Palestine's rule by Great Britain under the mandate of the League of Nations, the work of Hieromonk Isaiah is the most valuable source of this period. It reveals the peculiarities of the Mission's activities, the life of the Gornensky Convent, gives characteristics to the events that took place, the personalities of the abbots and nuns of the Convent. Of particular value is the description of the main events in the life of the Russian Church presence in Jerusalem after Patriarch Alexy I visited Palestine in 1945. It was after this visit that preparations began for the revival of the activities of the Russian Ecclesiastical Mission, affiliated with the hierarchy from the USSR and whose chiefs were sent from the Moscow Patriarchate. As a resident of the Gornensky Convent, hieromonk Isaiah knew many details of the life of the Convent, with which he shares on the pages of his work.

Keywords: Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, Gornensky Convent, Moscow Patriarchate, Russian Orthodox Church, Jerusalem Patriarchate, Jerusalem, Holy Land, Israel, Isaiah (Babinin).

Palamarenko E.V. The history of the Gornensky Convent written by hieromonk Isaiah (Babinin) in 1950. *Christianity in the Middle East*, 2020, no. 3, pp. 4–32.

References

State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 6991. Inventory 1. File 573. Materials on the Jerusalem Patriarchate. January 3, 1954 – December 19, 1949.

GA RF. Fund 6991. Inventory 2. File 133. Materials on the Jerusalem Patriarchate. January 13, 1954 – December 3, 1954